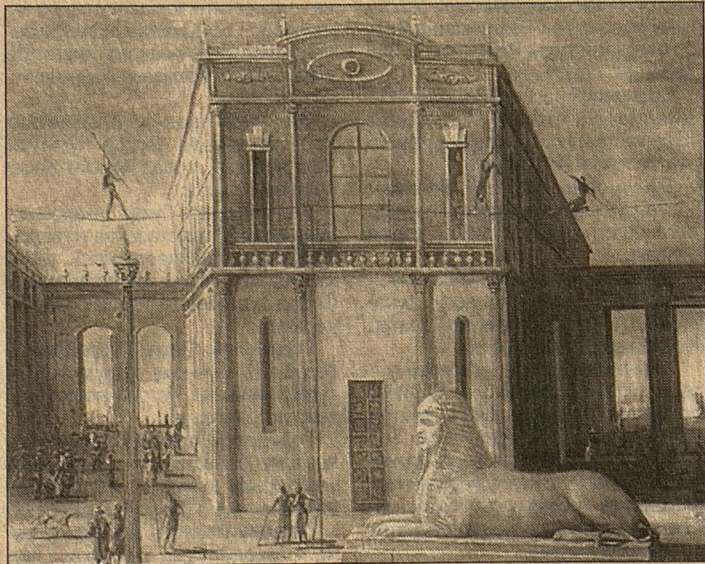

Львы в эпоху гибели империи

Культура. 2000. - 13-19 янв. - с. 9

О живописи Юрия Павлова

Московского художника Юрия Павлова я знаю довольно давно. Но, признаться, его фантастические, пустынные, архитектурные пейзажи меня мало занимали. Погляжу и бегу мимо, и еще секунду недоумеваю: что это? зачем? Тут, по всей видимости, срабатывало одно свойство этой живописи, которое я для себя сформулировала совсем недавно, когда кое-что в ней "расчухала".

В наш громкий, крикливый, шумный век некоторые художники добиваются зрительского внимания с помощью предельного усиления звучности. Нас, проще говоря, оглушают. Эффект, как на улице Макаренко, где постоянно гудят какие-то агрегаты.

Живопись Юрия Павлова обладает противоположным свойством. Художник работает почти за поро-

гом слышимости. Это шепот. Очень тихо произносимые слова. В сущности, это не похвала. Павлову, пожалуй, несколько не хватает живописного темперамента, страсти, напора. Его живописные полотна точно лаком покрыты — поверхность картин совершенно гладкая, тщательно и изысканно прописанная, прозрачная. Нет никаких следов мазков кисти, выдающих авторский темперамент, нетерпение, пыл. Говорят, поздний Тициан любил писать пальцами. Павлов пишет кистью, причем очень тонкой кистью.

Небольшие фрагменты, приглушенные, прозрачно-желтые фоны с зеленоватыми и голубоватыми вкраплениями, странные, фантастического вида здания, причудливые ракурсы... Пустынно, странно-важно, тихо. И пробегаешь, пробегаешь мимо, слегка недоумевая: что

это? зачем? Какой-то шум, но едва слышный. Точно хотят что-то тебе сказать, но не хватает сил. Повторяю, это не похвала. И увидела я работы Павлова только потому, что художник выставил их в очень отъединенных, тоже "тихих", камерных залах галереи С'Арт. А кроме того, выбрал для показа, пожалуй, самую выразительную свою серию — "львиную". Грозные, печальные, яростные хищники добавляют работам скрытой энергии и звучности, контрастируя с некоторой "зализанностью" живописной манеры и приглушенностью колорита.

О нет, это не романтические сцены "охоты на львов" в духе Делакруа. Мотив охоты присутствует, но он дается как лирические воспоми-

нания чего-то пригрезившегося, сохранившегося в культурной памяти. Эти львы, живые и каменные, не просто животные, а какие-то стихийные, дикие, восхитительно-неуправляемые силы, которые таятся в современном мужчине, абсолютно не нужны. Но культура, в особенности излюбленная автором культура древнего Востока, позволяет художнику ощутить в себе силы, пережить какие-то "архаические" состояния, хотя бы в форме лирических фантазий.

В изысканно-музыкальных композициях Павлова работают ракурсы, перспектива, цвет, соотносимость камня — зданий, каменных львов, фантастических сооружений вроде архаического дирижабля — и

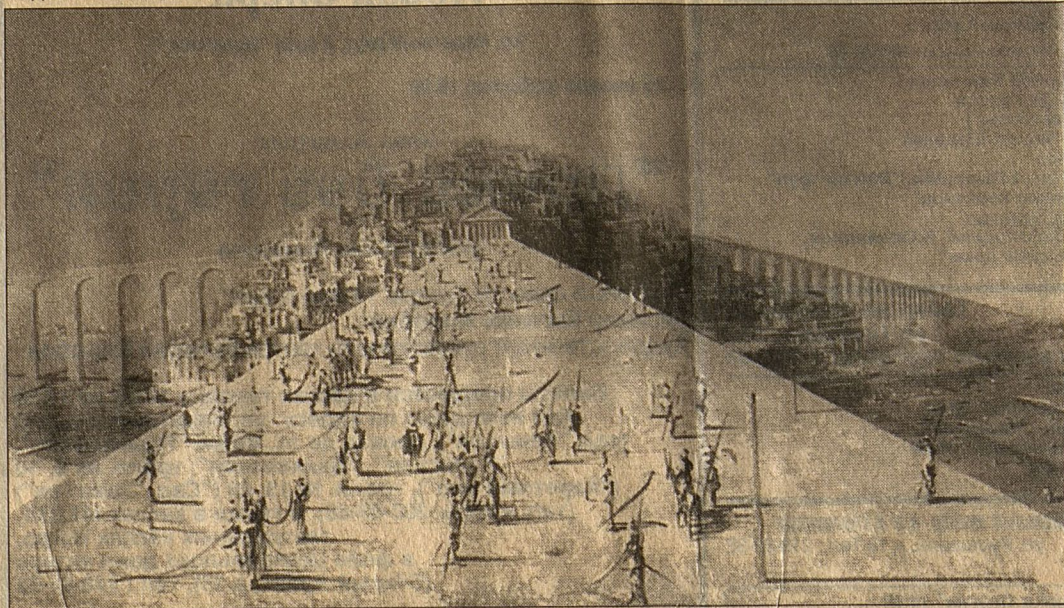
природной стихии с прозрачным голубоватым небом и желтым маревом пустыни. Этому очень русскому художнику "небо Африки" и вообще древних восточных цивилизаций, по всей видимости, не совсем чуждо.

Львы, на которых охотятся воины с копьями, на конях, с собаками, — яростны, напряжены и очень живы, даже если ранены ("Раненый лев"). На одной из работ нас включают в сцену охоты благодаря ракурсу, предельно приближенному к желтому песку, где вокруг льва кружатся охотники ("Охота на львов"). Работы чуть стилизованы. Возникают ассоциации с искусством Древнего Египта, Шумера, Ассирии, античной архаики. Но это были бы простые и безликие исто-

рико-культурные штудии, если бы не неожиданная нотка лирического соучастия, авторского сопереживания этим яростным хищникам, со всех сторон окруженным воинами.

А есть еще львы крылатые — древнейший мотив восточных культур. Но и эти львы не победительные, а грустящие, поверженные, заключенные в клетку. Они мощны и монументальны, но их в клетках везут "на показ" ("Процессия"). Или они стоят на постаменте посреди пустыни с грустно-задумчивыми мордами, заключенные все в ту же клетку ("Клетка"). Это львы эпохи "гибели империи" — как названа одна из работ серии. Художник надевает каменных львов яростью и грустью своих живых собратьев. А крылья у них за спиной делают их существами одухотворенными, взрывающими сонное спокойствие государственного и, шире — мирового порядка (или, скорее, беспорядка). Поражает личная пережитость всех этих, казалось бы, выдуманных, архаических, стилизованных мотивов. Пережитость не афишируется. Скорее, даже скрывается. Нам показывают мир, погруженный в собственное бытие, полусонный и словно бы со сна что-то бормочущий...

Безликие воины о чем-то беседуют в углах композиции, странные монументы странных богов стоят на своих местах, дикий здания врезаются в сияющие небеса. И во всем этом столько тихой грусти, ностальгии, удивления перед величием и непонятностью грандиозного замысла! Удивления перед гибелью львов, живых, а также каменных, но тоже по-своему живых и страдающих...

Слева: "Канатоходцы". Справа: "Дорога в город". 1993 г.

Вера ЧАЙКОВСКАЯ

22

13.1.2000.

Павлов Юрий